

Сафиулина Р. М. Н. С. Гумилев в свете «нового исихазма» Д. Андреева / Р. М. Сафиулина // Научный диалог. — 2018. — № 12. — С. 233—245. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-233-245.

Safikulina, R. M. (2018). N. S. Gumilyov in the light of the “new Hesychasm” by D. Andreev. *Nauchnyy dialog*, 12: 233-245. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-233-245. (In Russ.).

УДК 821.161.1Андреев.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2018-12-233-245

Н. С. Гумилев в свете «нового исихазма» Д. Андреева

© Сафиулина Рано Мирзахановна (2018), orcid.org/0000-0003-3128-6999, SPIN-code 8208-6471, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Русский язык и литература», Московский промышленно-финансовый университет «Синергия» (Москва, Россия), ranovi@mail.ru.

Рассматривается проблема философско-художественной рецепции Н. С. Гумилева в творчестве Д. Андреева. В связи с этим исследуются произведения, посвященные русскому писателю Н. С. Гумилеву. Актуальность исследования обусловлена необходимостью постановки и освещения проблемы исихастских традиций в творчестве Андреева, так как сама жизнь и творчество автора «Розы Мира» стали в XX веке продолжением русской исихастской духовно-культурной и художественной традиции. Приводятся определения понятий «новый исихазм Д. Андреева», «метаисихазм». Новизна исследования видится в том, что впервые в литературоведении поднимается проблема «нового исихазма» Д. Андреева. Раскрывается исихастская трактовка образа и судьбы Гумилева. Предлагается классификация исихастских практик духовного подвига, к которым обращается Андреев для характеристики старшего собрата по перу. Представлены результаты сопоставительного анализа ключевых лексем в произведениях Гумилева и Андреева. Наличие этих лексических маркеров рассматривается как свидетельство поэтического диалога, переключки поэтов через десятилетия. Выявляется значение этого диалога в построении метаисторического и житнетворческого поэтического мира Д. Андреева. Поднимается вопрос об интерпретации образа Н. С. Гумилева как символа «облагороженного человека» в «Розе Мира» Д. Андреева.

Ключевые слова: Д. А. Андреев; Н. С. Гумилев; исихазм; вестник; житнетворчество; облагороженный человек.

1. «Новый исихазм» Д. Л. Андреева

Творчество Д. Андреева несет в себе отзвуки творчества множества деятелей культуры разных исторических эпох, стран, народов, что превра-

щает его произведения в неповторимое переплетение искусства, религии, философии. Д. Андреев и станет создателем мистической поэзии, где актуализируется главная тема его творчества — судьба человечества, дух человека, способный объять своей творческой мыслью всю вселенную, объединить в едином созидательном жизненном порыве «разрозненные сегменты природного космоса» [Андреев, 2015, с. 17].

Большое место в создании нового общества принадлежит творцам искусства. Андреев создал своеобразную литературную галерею писателей, внесших огромный вклад в грандиозное будущее, описанное им в «Розе Мира». Он назвал таких писателей вестниками и пророками. Среди великих имен «вестников» автор «Розы Мира» называет Н. С. Гумилева. Судьба русского поэта Николая Гумилева, его творчество и трагическая гибель всегда были неизбывной любовью и болью Д. Андреева. Жена поэта А. А. Андреева в воспоминаниях писала: «Николай Гумилев был любимым его поэтом и образом поэта» [Андреева, 2004, с. 167].

На наш взгляд, и сама жизнь Д. Андреева, и его новаторское творчество стали продолжением русской исихастской духовно-культурной и художественной традиции. Применительно к творчеству поэта можно говорить о «новом исихазме», «метаисихазме».

Исихазм [от греч. *ἡσυχία* — спокойствие, покой, безмолвие] — особая духовная практика в русском православном вероисповедании, для которой характерны «умное делание» — постоянное повторение в уме молитвы Иисусовой «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», цель — видение Фаворского света и обожение. Видение небесного Фаворского света носит внутренний характер, оно раскрывает перед освященным пределы его физического тела и позволяет ощутить неземное блаженное состояние.

Центрами исихазма в России стали Троице-Сергиев монастырь и Оптина Пустынь, оказавшие огромное воздействие на судьбы России, русской истории, культуры. Исихазм не только духовная практика, по мнению С. С. Хоружего, он вышел за пределы монастырской ограды и стал частью жизни простых русских людей, раскрывая заложенные в нем всеобщие, общечеловеческие стороны и потенции [Хоружий, 1997, с. 189]. По мнению Г. М. Прохорова, «усвоение на Руси исихазма было скорее практическим, а в общественно-идеологической сфере заключалось в проникновении новых идей и понятий (например, понятий “мысленного рая” и “мысленного солнца правды”), в создании новой “общественно самоочевидности”, нового стиля духовно-культурной жизни и художественного творчества» [Прохоров, 2000, с 93—94].

Именно к духовному мировосприятию Д. Андреева (как ни одного другого художественного гения в русской литературе) в полной мере применимы такие исихастские понятия, как «мысленный рай» и «мысленное солнце правды». Произведения писателя — это картины, созданные воображением человека, обогнавшем свое время. Для Андреева исихазм воспринимался и в религиозном, и в практическом значениях, но, в первую очередь, как органическая часть мировоззрения, ментальности русского человека, открывающая перед ним высшие духовные ценности и высший смысл существования.

Жена писателя А. Андреева отмечала, что у поэта не было особой «техники медитаций», единственным духовным упражнением была православная молитва. Молитвенная лексика стала для писателя художественно-изобразительным приемом. «Любимым приемом поэта для характеристики своих образов были элементы молитвы» [Дашевская, 2006, с. 280].

С августа 1921 года Андреев переживал состояние озарения, значение которого он поначалу в полной мере не осознал. Позже поэт назвал его первым соприкосновением с мистической сверхматериальной реальностью: «Это случилось в Москве, бытие открыло передо мной или, вернее, надо мной такой бушующий, ослепляющий, непостижимый мир, охватывающий историческую действительность России в странном единстве с чем-то несоразмерно большим над ней, что много лет я внутренне питался образами и идеями, постепенно наплывающими отсюда в сознание» [Андреев, 2006, с. 221].

Исихастная традиция русского искусства воплотилась и в цветовой палитре произведений Д. Андреева, необыкновенно яркой, многоцветной, «солнечной». Зеньковский отмечал традиционный характер русского искусства в «ярком видении небесной правды и красоты» и подчеркивал, что именно небесный свет придает вселенский, космический характер видению православным человеком мироздания [Зеньковский, 1991, т. 1, с. 40]. «В основе аскетизма лежит не негативный, а положительный момент: он есть средство и путь к преображению и освящению мира. Отсюда становится понятным, почему так излюблен в русском религиозном сознании образ “света”. В этом корень мотива космичности, который связывает русскую религиозность со святоотеческой: мир воспринимается как весь озаренный и пронизанный “светом Божиим”» [Там же].

В палитре Андреева превалирует «солнечный», золотой, багряный, цвет. «Андреев — вселенский гость, но ему не “повсюду пир“, и миру лунному он противопоставляет солнечный» [Дашевская, 2006, с. 213]. Цикл Андреева «Русские боги», по плану писателя, должен был завершиться

так: «Солнечная Симфония» должна была «выводить за национальные пределы во Всечеловеческое Братство, Всемирную Церковь» [Андреев, 1993, т. 1. с. 431]. В стихотворении «Бенарес» появился образ «Солнце мироздания»: «Чтоб взглянуло Солнце мироздания / На сердца, подъятые горе» [Там же, с. 37].

Но Андреев — человек XX века, века научно-технического прогресса. В связи с инновациями своего времени он трансформирует исихастскую традицию, исходя из главных принципов своего творчества. Он расширяет горизонт исихастских задач, «обожения» до метаистории и метарелигии — «всечеловеческой интеррелигии».

По мнению С. Маркуса, «“Роза Мира” и есть та самая “сумма религиозного опыта человечества”, которая вбирает в себя в сугубо личностный опыт пророков и основателей религий, так и опыт сложившихся на этой основе доктрин и ортодоксий. Как итог — каждая религия теперь предстанет в новом ракурсе» [Маркус, 2010, с. 331—332].

В своих произведениях Андреев воспел духовный подвиг и великую миссию русских писателей Лермонтова, Гоголя, Достоевского — вестников и пророков, которым открылся Бог и небесный свет. Так, в своей «Розе Мира» Андреев пишет об «озарении» автора «Братьев Карамазовых»: «... перед повергавшимся в слезах на землю и воздевавшим руки к горящему над Оптиной пустынью Млечному Пути Достоевским» [Андреев, 2015, с. 221].

Символика духовного подвига имела для исихастской традиции большое значение. Духовный подвиг в исихастском представлении начинается с покаяния. «Покаяние — “врата” подвига, через которые только и возможно вступить на путь мистического опыта, возводящего к обожению. Покаяние предполагает крайние душевные состояния, выражающие предельное стремление к уходу, удалению от прежнего состояния, прежнего внутреннего мира — импульсы острого самоосуждения, самоотвержения, отбрасывания прежнего, “ветхого” себя. Это резкое отвержение прежних, обычных норм, ценностей, установок, стереотипов существования...» [Хоружий, 2004, с. 553].

Именно таких героев, бросающих вызов миру, и создал Гумилев. «Тяжелым, поворотным моментом жизни человека Гумилева становится начало конфликта с Отцом. Завеси словно падают с глаз молодого героя, и он новыми глазами осматривает мир Отца. Он замечает то, чего не видел раньше; его доверие к Отцу подорвано окончательно. Сын видит зло, несовершенство и несправедливость устройства мироздания, болезни и, главное, смерть. Потрясение от увиденного приводят его к мысли разры-

ва с Отцом и поискам самостоятельного жизненного пути» [Сафиулина, 2018, с. 273]. Такие герои, не смирившиеся с обстоятельствами, ищущие Небесного Иерусалима, вестники и пророки, предстают перед читателем в произведениях Андреева.

2. Судьба Гумилева в цикле Андреева «Крест поэта»

Свое отношение к личности Н. Гумилева Д. Андреев выразил в проникновенном стихотворении «Гумилев» (1935), вошедшем в цикл «Крест поэта». Цикл состоит из стихотворений «Грибоедов» (1936), «Гумилев» (1935), «Хлебников» (1940), «Могила Волошина» (1935).

Имена Грибоедова, Гумилева, Хлебникова, Волошина становятся звеньями в смысловом развертывании трагизма судеб поэтов в русской истории. Эпиграф из произведения М. Волошина звучит рецепцией «Смерти поэта» Лермонтова:

Тёмен жребий русского поэта

Неисповедимый рок ведет

Пушкина под дуло пистолета,

Достоевского — на эшафот [Андреев 2006, т. 1, с. 137—138].

Трагическая судьба Гумилева стала продолжением этой фатальной вены «смертей поэтов» в русской истории.

Стихотворение «Гумилев» Д. Андреева — своеобразный поэтический ответ и завет через двадцать лет трагически погибшему старшему собрату по перу на его стихотворения «Я не прожил, я протомился» (1915) и «Ворота Рая» (сборник «Жемчуга», 1910). Интенциональный текст Андреева включает в себя реминисценции и аллюзии из произведений Гумилева, мифы и легенды о поэте и его трагической кончине, тревожные мысли о собственной судьбе, клятва старшему товарищу встретить свою смерть так же мужественно.

Андреев очень любил читать стихи Гумилева наизусть. Так, в 1931 году в Трубчевске у костра он читает друзьям своих любимых поэтов. Именно в эту ночь Андреев вновь испытывает необыкновенную атмосферу духовного озарения. Чтение и обсуждение стихов его любимых поэтов переросло в этих беседах в более широкое, вселенское обобщение. В. М. Василенко говорит в своих воспоминаниях о круге интересов Андреева: «... эти вечера были наполнены разговорами о поэзии, о Блоке, о Волошине, о Гумилеве, о Боге» [Василенко, 1997, с. 388].

Более того, одной из причин своего ареста в 1947 году Андреев и его товарищи считали чтение стихов запрещенного Гумилева. В. М. Василенко с горечью вспоминает о допросах на Лубянке: «Я говорил, что ни в чем

не виноват, ничего не делал. Ну, читал стихи Гумилева <...> Следователь скривился: “Да нет”. Наконец, на третий, по-моему, день, он сказал: “Вы обвиняетесь в том, что вы и Андреев хотели убить вождя”. Я обомлел: “Кого?” — “Ну как. Великого вождя”, — повторил он» [Там же, с. 394].

Поэтому текст стихотворения Андреева «Гумилев» наполнен реминисценциями «наизусть» из текстов его «учителя по перу», узнаваемыми, характерными «гумилевскими» образами: буря, плавание, пальма, надежда, шатер, лев, бедуин, император, песок, далекая страна, жгучий ветер, костер. Два слова в этом перечне — названия поэтических сборников Гумилева «Шатер» и «Костер». Тема смерти — убитого сына, «людей черных в белых одеждах» — придает особенно трагичное звучание стихотворению.

Андреев подчеркивает в стихотворении роль Гумилева как наставника в своей жизни: «мой вождь, господин, / Ангел, друг моих дум» [Андреев 2006, т. 1, с. 138]. Поэт использует для характеристики Гумилева ключевые лексемы «мой вождь», «господин», «ангел», «поэт», «мужчина», «воин». Облик Гумилева как наставника — «вождя», «учителя», «собрата» — раскрывается через «опыт подвига», «обладание личной харизмой и духовным авторитетом» [Там же].

В исихастской духовной практике миссии наставника отводилась важная роль. Хоружий выделяет необходимые духовные качества наставника в исихастском понимании: обладание личной харизмой и духовным авторитетом; собственный, добытый и пережитый им самим, опыт подвига как Богообщения и единения с Богом. В общении с наставником обычному мирянину открывался высший смысл существования. «Человек получал приобщение к жизни в подвиге и в устремлении к Богу, открывал для себя мерки этой жизни, ее ценности, установки, подход — и пусть он не мог и не ставил целью следовать им во всей полноте, но он их усваивал в качестве твердых ориентиров своего мира» [Хоружий, 1997, с. 189].

О «гражданском подвиге» Гумилева Андреев пишет в «Розе Мира» [Андреев, 2015, с. 17]. В исихазме подвигом для православного человека становилась сама жизнь как «осуществление бытийного призвания человека» [Хоружий, 1997, с. 189]. Исихастское понимание жизни как подвига в полной мере применимо к судьбе Гумилева — поэта, мужчины, воина, героя первой мировой войны, путешественника. Также героически поэт встретил свою кончину. Именно понятие «подвиг» становится главным для интерпретации судьбы Гумилева в стихотворении «Гумилев». Так, исихастская синонимическая связка «жизнь = подвиг» не только вошла в текст и контекст произведения Андреева, определяющего характеристику поэта и его судьбы. Она используется в развитии нарратива стихотво-

рения, становится определяющим признаком для семантики текста, его художественных образов, а также стилистических особенностей, что обусловило отбор «героических» языковых средств:

*Слышу подвига тяжкую власть
И душа тяжелеет, как колос:
За Тебя — моя ревность и страсть.
За Тебя — моя кровь и мой голос.*

*Разве душу не Ты опалил
Жгучим ветром страны полудённой,
Моё сердце не Ты ль закалил
На дороге, никем не пройдённой?* [Андреев 2006, т. 1, с. 137—138].

Исихастское прочтение лексемы *подвиг* играет ключевую роль в информационном поле «Гумилев». Оно придает тексту Андреева дополнительный глубинный смысл, на основе которого происходит трансформация судьбы погибшего поэта до вселенского масштаба. Подвиг Гумилева и самого Андреева можно трактовать не только как констатацию многочисленных жизненных испытаний и перипетий, в том числе ареста и трагической смерти, но и как подвиг «жизнетворчества».

Судьбы Гумилева и Андреева объединяет житнетворчество как «выбор самого себя». И Гумилев, и Андреев не только творили в своем писательском ремесле, но и «сотворяли» собственную жизнь, не оставаясь в стороне от исторических, общественных, культурных событий, пропускающая их через собственные судьбы, окружающий мир переживался ими как жизнестроительное задание.

Андреев не может простить родине и «бесчестному веку» трагической смерти Николая Гумилева:

*Смертной болью томлюсь и грущу,
Вижу свет на бесплотном Фаворе,
Но не смею простить, не прощю
Моей Родины грешное горе.
Да, одно лишь сокровище есть
У поэта и у человека
Белой шагагой скрестить свою честь*

С чёрным дулом бесчестного века [Андреев, 2006, т. 1, с. 137—138].

И если в реальности (страшный 1935 год!!!) Андреев не мог этого добиться, то в поэтическом плане он помещает Н. Гумилева на Фаворе — библейском символе «возвышенного, величественного, могущественного», актуализируя «гефсиманскую» символику для усиления эмоционального

воплощения «крестного пути» Гумилева. Образ мученически павшего поэта Андреев возвышает до уровня *Героя*, борющегося за святые идеалы, сродни ранним христианским святым и самому Христу.

Анализируя поэзию Андреева, О. А. Дашевская отмечает: «Стихотворение, посвященное Гумилеву (цикл «Крест поэта»), Андреев строит как молитву поэта. В мифе Андреева о Гумилеве поэт-акмеист, завершая свой “крестный путь”, обретает христианское сознание <...> лирический герой помещается в ситуацию накануне казни, он уподобляется Христу...» [Дашевская, 2010, с. 92—93].

3. Образ Гумилева в «Розе Мира»

Главный труд жизни Андреева «Роза Мира» — мистическое произведение грандиозного, вселенского масштаба, художественно-эстетический мифопроjekt, призванный объединить человечество и мироздание на основе любви и понимания, высшей гуманности, «всечеловеческой интеррелигии». Автор «Розы Мира» пишет о своем грандиозном проекте следующее: «Образовался гигантский вакуум духовности, не существовавший еще пятьдесят лет назад, и гипертрофированная наука бессильна его заполнить. Если позволительно подобрать такое выражение, колоссальные ресурсы человеческой гениальности не расходуются никуда. Это и есть то лоно творческих сил, в котором зреет предопределенная к рождению всечеловеческая интеррелигия» [Андреев, 2015, с. 38].

Н. Гумилев в определенном смысле предсказал появление мистической поэзии Д. Андреева, его инновационных гипер-пеонов, которые выходят за границы классической «собственно поэзии». В своем интервью Карлу Бечхоферу, лондонскому корреспонденту «New Age», от 28 января 1915 года Гумилев говорил: «Завершился великий период риторической поэзии, которой были поглощены почти все великие поэты XIX века <...> Остается еще мистическая поэзия <...> В России до сих пор сильна вера в Третий Завет. Мистическая поэзия связана с этими ожиданиями. На мой взгляд, у них различные цели. У одной — душа, у другой — дух. Когда современный поэт чувствует ответственность перед миром, он обращает мысли к драме как к высшему выражению человеческих страстей, чисто человеческих страстей. Но когда он задумывается о судьбе человечества и о жизни после смерти, тогда он и обращается к мистической поэзии» [Русинко, 1994, с. 307].

Приведем еще цитату: «У страстно любимого Андреевым Н. Гумилева есть строки:

*Есть Бог, есть мир, они живут вовек,
А жизнь людей мгновенна и убога,*

*Но все в себе вмещает человек,
Который любит мир и верит в Бога.*

Это — очень точно об Андрееве. Он любил мир до полного саморас-творения в нем, создал никак не меньше, чем учение о живой Природе, точно обозначил место человека в мире; и он верил в Бога» [Грушецкий, 2006, с. 17].

В трактате «Роза Мира» Д. Андреев предстаёт не только как мыслитель, метаисторик, но и как оригинальный литературный критик, по-своему взглянувший на личности и творчество великих классиков русской литературы. Поэт проводит чёткое разграничение таких понятий, как «талант», «гений», «пророк» и «вестник», отмечая, что вестник — это художник, осуществляющий в своем творчестве связь между мирами: «Вестник — это тот, кто <...> даёт людям почувствовать сквозь образы искусства высшую правду и свет, льющийся из иных миров» [Сохряков, 2010, с. 174]. Исихастское видение вестников, их понимание высших ценностей близки Андрееву. Среди великих имен «вестников» автор «Розы Мира» называет Н. С. Гумилева, утверждая «гражданский подвиг уходившего все глубже в религиозность Гумилева» [Андреев, 2016, с. 17].

Гумилев появился как символ «облагороженного человека» в самом грандиозном проекте Д. Андреева «Розе мира». «Облагороженный человек. Конечно, и человек облагороженного образа будет смелым и волевым <...> гармония между всем живым, что населяет его» [Там же, с. 579]. Андреев придает своему «облагороженному человеку» черты характера и внешности Гумилева: «смелый», «волевой», «мужественный», у него «прекрасное лицо», «растущая жажда знаний». «Такая натура достаточно мужественна, чтобы смотреть любым чудовищам в глаза, и достаточно развита духовно, чтобы любить жизнь не только такой, какова она теперь и здесь, но и такой, каковой предощущается в мирах восходящего ряда или в будущем просветленном Энрофе» [Там же].

Андреев понимал, что создание нового мира невозможно без появления новых «просветленных» людей. Его «облагороженный человек» был своеобразным ответом на «Моральный кодекс строителя коммунизма». Вновь Андреев обращается к исихастской лексике — *просветление, покаяние, очищение*: «Преображение лика мира сего невозможно без преобразования и просветления самого человека, вне добровольного признания собственного несовершенства, добровольного покаяния и освобождения от внутреннего зла — эгоизма, корысти, зависти, гордыни. Человечество просто обречено на решение этой задачи» [Сохряков, 2010, с. 233].

Метаисторизм Д. Андреева во многом чрезвычайно близок к метаисторизму «акмеизма», или «адамизма», созданного в 1910 году Гумилевым и его братьями по «Цеху поэтов». Тот же уровень вселенского обобщения, стремления понять всемирную и надмирную механику жизни в ее перспективе виден и в творчестве Д. Андреева. «Поделиться своим опытом с другими, приоткрыть картину исторических и метаисторических перспектив, ветвящуюся цепь дилемм, встающих перед нами или долженствующих возникнуть, панораму разноматериальных миров, тесно взаимосвязанных с нами в добре и зле, — вот задача моей жизни» [Андреев, 2015, с. 28], — пишет Д. Андреев в «Розе Мира».

4. Заключение

Поэтический мир Н. Гумилева, его устремленность к космической изначальности земной жизни: предельная предметность поэтического видения, его лирический герой, охваченный страстью познать весь мир, его феноменологическую сущность и метаисторичность восприятия, — близки Д. Андрееву. Есть в поэтическом наследии Н. Гумилева стихотворение «Память» (1921), которое воспринимается как завещание Д. Андрееву, как символический мост между поколениями русских писателей, как рука, благословляющая новые поколения поэтов на создание великих творений:

*Сердце будет пламенем палимо
Вплоть до дня, когда взойдут, ясны,
Стены Нового Иерусалима
На полях моей родной страны.
И тогда повеет ветер странный —
И прольется с неба страшный свет,
Это Млечный Путь расцвел неожиданно
Садом ослепительных планет* [Гумилев, 1988, с. 310].

Такой Новый поэтический Иерусалим, сад ослепительных образных планет и создал Д. Андреев в своем творчестве. Гумилев стал для Андреева наставником и учителем как в жизни, так и в творческом осмыслении мироздания и места человека в нем. Исихастские традиции помогли Андрееву создать проникновенный облик Гумилева «как поэта», «как мужчины», «как война».

Источники

1. Андреев Д. Л. Собрание сочинений : в 4-х томах / Д. Л. Андреев. — Москва : Урания, 2006.

2. *Андреев Д. Л.* Собрание сочинений : в 3-х т. / Д. Л. Андреев ; сост., вступ. ст., подготовка текстов и примечаний А. А. Андреевой ; послесл. Б. Н. Романова. — Москва : Московский рабочий; Фирма Алеся, 1993. — Т. 1. Русские боги : Поэтический ансамбль. — 463 с.

3. *Андреев Д.* Роза мира / Д. Андреев. — Москва : Изд-во АСТ, 2016. — 672 с.

4. *Андреев Д.* Роза Мира / Д. Андреев. — Москва : «Азбука-Аттикус», 2015. — 859 с.

5. *Гумилев Н. С.* Стихотворения и поэмы / Н. С. Гумилев. — Ленинград : Художественная литература, 1988. — 632 с.

Литература

1. *Андреева А. А.* Жизнь Даниила Андреева, рассказанная его женой / А. А. Андреева // Андреев Д. Л. Собрание сочинений : в 3 т. / Даниил Андреев ; Составление и подготовка текста А. А. Андреевой. — Т. 3, кн. 2. — Москва : Урания, 1997. — С. 5—26.

2. *Василенко В. М.* Далекie ночи / Василенко. В. М // Андреев Д. Собрание сочинений : в 3 т. — Т. 3, кн. 2. — С. 355—397.

3. *Грушецкий В. И.* «Сказание о мире истинном» / В. И. Грушецкий // Андреев Д. Л. Избранные произведения. — Москва : Арда, Сфера, 2006. — С. 7—18.

4. *Дашевская О. А.* Жизнестроительный проект Даниила Андреева / О. А. Дашевская // Д. Андреев : Pro et contra. — Санкт-Петербург : РХГА, 2010. — 1180 с. — С. 78—102.

5. *Дашевская О. А.* Жизнестроительная концепция Д. Андреева в контексте культурфилософских идей и творчества русских писателей первой половины XX века. / О. А. Дашевская. — Томск : Томский университет, 2006. — 435 с.

6. *Зеньковский В. В.* История русской философии : в 2 т. / В. В. Зеньковский. — Ленинград : Эго, 1991. — Т. 1, ч. 1. — 220 с.

7. *Маркус С.* Роза Мира Даниила Андреева и Ислам / Маркус С // Д. Андреев : Pro et contra. — Санкт-Петербург : РХГА, 2010. — С. 331—352.

8. *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. / Г. М. Прохоров — Санкт-Петербург, 2000. — С. 93—94.

9. *Русинко Э.* Гумилев в Лондоне : Неизвестное интервью. / Э Русинко // Николай Гумилев : Исследования. Материалы. Библиография. — Москва : Наука, 1994. — С. 299—312.

10. *Сафиулина Р. М.* Образ маятника в поэзии Н. С. Гумилева. Филологические науки. / Р. М. Сафиулина // Вопросы теории и практики, 2018. — № 4 (82). — Часть 2. — С 271—276.

11. *Сохряков Ю. И.* Русская цивилизация : Философия и литература. / Ю. И. Сохряков — Москва : Институт русской цивилизации, 2010. — 719 с.

12. *Хоружий С. С.* Русский исихазм : черты облика и проблемы изучения. / С. С. Хоружий // Исихазм. Аннотированная библиография. / Под ред. С. С. Хоружего. — Москва : Издат. совет Русской Православ. церкви, 2004. — 911 с. — С. 550—559.

13. Хоружий С. С Исихазм в Византии и России: исторические связи и антропологические проблемы. / С. С Хоружий // Страницы. — 1997. — № 2 (1). — С. 48—61. — № 2 (2). — С. 189—203.

N. S. Gumilyov in the light of the “new Hesychasm” by D. Andreev

© Safiulina Rano Mirzakanovna (2018), orcid.org/0000-0003-3128-6999, SPIN-code 8208-6471, PhD in Philology, Associate Professor of the Russian Language and Literature Department, Moscow Industrial and Financial University “Synergy” (Moscow, Russia), ranovi@mail.ru.

The problem of N. S. Gumilyov's philosophical and artistic reception in the work of D. Andreev is considered. Works devoted to the Russian writer N. S. Gumilev are investigated in connection with this. The relevance of the research is due to the need to state and highlight the problems of the Hesychast traditions in the work of Andreev, since the very life and work of the author of the “Rose of the World” became a continuation of the Russian Hesychastic spiritual, cultural and artistic tradition in the twentieth century. The definitions of the concepts “new Hesychasm by D. Andreev”, “Metaisihazm” are given. The novelty of the research is seen in the fact that for the first time in literary criticism the problem of the “new Hesychasm” of D. Andreev is raised. The Hesychast interpretation of the image and fate of Gumilyov is revealed. A classification of Hesychast practices of spiritual achievement is proposed, which Andreev refers to in order to characterize his older brother of the quill. The results of a comparative analysis of key lexemes in the works of Gumilev and Andreev are presented. The presence of these lexical markers is considered as evidence of a poetic dialogue, a convergence of poets through the decades. The significance of this dialogue in the construction of the metahistorical and life-giving poetic world of D. Andreev is revealed. The question regarding the interpretation of the image of N. S. Gumilev as a symbol of the “ennobled man” in the “Rose of the World” by D. Andreev is raised.

Keywords: D. A. Andreev; N. S. Gumilyov; Hesychasm; herald; life creativity; ennobled man.

Material resources

- Andreyev, D. L. (2006). *Sobraniye sochineniy: v 4-kh t.* Moskva: Uraniya. (In Russ.).
- Andreyev, D. L. (1993). Russkiye bogi: Poeticheskiy ansambl'. In: *Sobraniye sochineniy: v 3-kh t., 1.* Moskva: Moskovskiy rabochiy; Firma Alesya.. (In Russ.).
- Andreyev, D. (2016). *Roza mira.* Moskva: Izd-vo AST. (In Russ.).
- Andreyev, D. (2015). *Roza Mira.* Moskva: «Azbuka-Attikus». (In Russ.).
- Gumilev, N. S. (1988). *Stikhotvoreniya i poemy.* Leningrad: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).

References

- Andreyeva, A. A. (1997). Zhizn Daniila Andreyeva, rasskazannaya yego zhenoy. In: Andreyev D. L. *Sobraniye sochineniy: v 3 t., 2.* Moskva: Uraniya. 5—26. (In Russ.).

- Dashevskaya, O. A. (2006). *Zhiznestroitel'naya kontseptsiya D. Andreyeva v kontekste kulturfilosofskikh idey i tvorchestva russkikh pisateley pervoy poloviny XX veka*. Tomsk: Tomskiy universitet. (In Russ.).
- Dashevskaya, O. A. (2010). Zhiznestroitelnyy proekt Daniila Andreyeva. In: *D. Andreyev: Pro et contra*. Sankt-Peterburg: RKhGA. 78—102. (In Russ.).
- Grushetskiy, V. I. (2006). «Skazaniye o mire istinnom». In: Andreyev D. L. *Izbrannyye proizvedeniya*. Moskva: Arda, Sfera. 7—18. (In Russ.).
- Khoruzhiy, S. S. (1997). Isikhazm v Vizantii i Rossii: istoricheskiye svyazi i antropologicheskiye problemy. *Stranitsy*, 2 (1): 48—61; 2 (2): 189—203. (In Russ.).
- Khoruzhiy, S. S. (2004). Russkiy isikhazm: cherty oblika i problemy izucheniya. In: *Isikhazm. Annotirovannaya bibliografiya*. Moskva: Izdat. sovet. Russkoy Pravoslav. tserkvi. 550—559. (In Russ.).
- Markus, S. (2010). Roza Mira Daniila Andreyeva i Islam. In: *D. Andreyev: Pro et contra*. Sankt-Peterburg: RKhGA. 331—352. (In Russ.).
- Prokhorov, G. M. (2000). *Rus' i Vizantiya v epokhu Kulikovskoy bitvy*. Sankt-Peterburg. 93—94. (In Russ.).
- Rusinko, E. (1994). Gumilev v Londone: Neizvestnoye intervyyu. In: *Nikolay Gumilev: Issledovaniya. Materialy. Bibliografiya*. Moskva: Nauka. 299—312. (In Russ.).
- Safulina, R. M. (2018). Obraz mayatnika v poezii N. S. Gumileva. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 4 (82) / 2: 271—276. (In Russ.).
- Sokhryakov, Yu. I. (2010). *Russkaya tsivilizatsiya: Filosofiya i literatura*. Moskva: Institut russkoy tsivilizatsii. (In Russ.).
- Vasilenko, V. M. Dalekiye nochi. In: Andreyev D. *Sobraniye Sochineniy*, 3 (2): 355—397. (In Russ.).
- Zenkovskiy, V. V. (1991). *Istoriya russkoy filosofii*, 1 (1). Leningrad: Ego. (In Russ.).